

МОГИЛЕВСКИЕ ГОВОРЫ КАК ПЕРЕХОДНЫЕ РУССКО-БЕЛОРУССКИЕ (БЕЛОРУССКО-РУССКИЕ) ГОВОРЫ

Современная Могилевская область занимает седьмую часть территории Республики Беларусь.

На востоке Могилёвщина граничит со Смоленской и Брянской областями России, на севере – с Витебской, на западе – с Минской, на юге – с Гомельской областями Беларуси.

Изучение говоров Могилёвской области имеет особо важное значение, так как это единственная область Беларуси, территория которой в древности в

той или иной степени была заселена тремя восточнославянскими племенами: радимичами, дреговичами и кривичами.

По мнению В.В.Седова, формирование кривичей началось в третьей четверти первого тысячелетия н.э. на Псковщине. В их состав, помимо славян, вошло и местное финское население. Последующее расселение кривичей в Витебско-Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье, на территории днепро-двинских балтов, привело к их членению на кривичей псковских и кривичей смоленско-полоцких.

Регион радимичей не соответствует какой-либо субстратной территории. Радимичами назывались потомки той группы славян, которая расселилась на Соже. Вполне понятно, считает В.Седов, что эти славяне включают в себя и местное население вследствие метисации и ассимиляции. Радимичи, как и вятичи, имели свою племенную организацию. Таким образом, и те и другие были одновременно этнографическими общностями и племенными союзами [5, с.270].

Дреговичи, по мнению В.Седова, наряду с вольнянами, древлянами и полянами, в процессе своего формирования были территориальными новообразованиями [5, с.269].

Славянское население каждой из территориальных групп, близкое по системе хозяйства и живущее в сходных условиях, постепенно объединялось для целого ряда совместных дел – устраивало общее вече, общие совещания воевод, создавало общую племенную дружину [5, с.269].

В период феодальной раздробленности Руси территория Могилёвщины входила в разные удельные княжества. Северная её часть – в Полоцке, позже Друцкос и Витебское княжества; часть северного Посожья с городами Пропойск, Кричев, Мстиславль в XII–XIII вв. находилась в составе Смоленского княжества.

Верхнее Поднепровье в этот период представляло собой широкую зону контактов славянских племён – полоцких и смоленских кривичей, радимичей, дреговичей, северян. Здесь, в условиях древнерусского государства, наиболее активно происходили процессы взаимопроникновения культур, стирания племенных различий, слияния славянских племён в единую древнерусскую народность. Этому в значительной мере способствовала речная система Днепра, играющая важную роль в культурно-экономических связях.

В XII–XIII вв. основная территория Могилёвщины входила в состав Смоленского княжества.

В XVIII в. территория Могилёвской области также была отнесена к России в результате первого и второго разделов Речи Посполитой.

Как видим, территории Могилёвщины и Смоленщины в своём многовековом развитии пережили много общего, что не могло не отразиться и на говорах.

По мнению А.Шахматова, современная группировка говоров по трём русским народностям – великорусской, белорусской и малорусской – не соответствует древней и первоначальной группировке, так как великорусская группа говоров соединяет говоры северо-русской и среднерусской групп, а белорусская включает лишь западную часть среднерусской группы [9, с.47].

Могилёвскую губернию, наряду с южными и юго-западными уездами Смоленской губернии, А.Шахматов отнёс к группе средней полосы белорусских говоров [9, с.57]. По его мнению, смешанные белорусско-малорусские говоры двинулись в Виленскую, а частью в Минскую и даже Могилёвскую губернии, может быть, в связи с переходом дреговичей (смешанных с древлянами) за

Днепр в область Подесеня. На востоке белорусским говорам пришлось вести упорную борьбу с восточными говорами среднерусской группы [9, с.58].

Е.Ф.Карский отмечает, что в XIII–XIV вв. все белорусские племена объединились под властью Литвы, и в результате их смешения прошло окончательное образование белорусской народности и белорусского языка [2, с.113–114].

Соседство белорусов с великоруссами и малоруссами, полагает Е.Карский, способствовало образованию говоров переходных от белорусских к южно-великорусским и от малорусских к белорусским [2, с.202].

Известно, что граница между русским и белорусским языками не является резкой и достаточно определённой. Г.А.Хабургаев считает, что примерно с XVIII века на исследуемой территории вступают во взаимодействие восточнославянские говоры различного происхождения, поэтому и отсутствуют чёткие границы между русскими (южновеликорусскими) и белорусскими говорами [8, с.149].

В.Б.Сузанович объединяет могилёвско-смоленские пограничные говоры в один лингвистический регион [7, с.72]. По её мнению, в названных выше говорах сочетаются русские и белорусские языковые элементы различного характера: черты, объединяющие белорусский язык с южнорусским наречием; черты, сближающие северо-восточные белорусские диалекты с близлежащими смоленскими и калужскими говорами. Кроме того, в исследуемых говорах содержатся элементы, свойственные русскому и белорусскому литературным языкам. Указанные говоры, отмечает В.Сузанович, нельзя считать русскими или белорусскими в том смысле, какой вкладывается в эти понятия; их следует квалифицировать как промежуточные, переходные русско-белорусские (белорусско-русские) говоры [7, с.72–73].

В научной литературе говоры исследуемой территории классифицируются по-разному: "смешанные русско-белорусские говоры" (П.А.Расторгуев), "переходные русско-белорусские говоры" (С.М.Прохорова), "русские говоры с белорусскими чертами" (П.С.Кузнецов) и др.

Как переходные, так и смешанные говоры, отмечает А.Б.Пеньковский, являются результатом одного и того же процесса, и в зависимости от характера этого процесса и времени, в течение которого он происходит, мы имеем дело либо со смешанным, либо с переходным говором. Первой стадией является смешение, основанное на заимствовании отдельных слов, в результате чего возникает смешанный говор, а на следующей ступени развития происходит полное усвоение инодиалектных черт, они используются рядом с местными чертами, случайность заменяется последовательностью, и, таким образом, смешанный диалект становится переходным [3, с.162].

Понятие переходности мы связываем с "теорией волн" И.Шмидта. По его мнению, группа родственных языков или говоров может быть изображена в виде волны, которая расходится концентрическими кругами, постепенно, по мере удаления от центра, ослабевающими. Диалектных границ нет; везде непрерывный переход от одного языка или говора к другому [6, с.6].

Этой же теории придерживается и А.И.Соболевский: "Границы – в обычном смысле нет; между наиболее западным, вполне великорусским, говором и наиболее восточным говором, вполне белорусским, переливается из одного в другой длинный ряд промежуточных говоров, которые нельзя назвать ни великорусскими, так как в них есть белорусские особенности, ни белорусскими, так как они не свободны от великорусских особенностей" [6, с.7].

Четко разграничивают смешанные и переходные говоры составители первой диалектологической карты: "На границах между говорами образуются переходные говоры, т.е. такие, в которых на основе одного наречия возникли известные изменения под влиянием другого наречия, сближающие их с этим последним. Такие переходные говоры мы отличаем от смешанных. В смешанных говорах влияние другого наречия выражается в простых заимствованиях отдельных слов или даже форм, но не изменяет звукового строя говора. Смешанным в той или иной степени является всякий говор, переходным же далеко не всякий. В переходных — изменения звуковой стороны, возникшие под влиянием другого наречия, носят закономерный характер, так как в них заимствования из другого наречия послужили образцом для переработки звукового строя, иначе говоря, проведены в качестве фонетического закона по всему говору (т.е. по всем соответствующим случаям). Надо иметь в виду, что в результате таких фонетических явлений, которые происходят в переходном говоре, только случайно могли бы получиться фонетические черты, вполне тождественные с чертами наречия, послужившего образцом для подражания; в действительности переходные говоры представляют отличия от тех говоров, к переходу в который они стремятся именно в тех явлениях, которые возникли в них в силу подражания. Таким образом, переходный говор представляет собой третий, новый тип говора по сравнению с теми двумя, из которых он образовался" [1, с.1–2].

Особенностью семантического поля "Одежда" в Могилёвских говорах является наличие синонимических пар типа *юбка* (рус. лит.) – *спадница* (бел. лит.), *жилет* (рус. лит.) – *камизэлька* (бел. лит.) и др. Такой неосознанный билингвизм в речи одного человека, отмечает С.М.Прохорова, свидетельствует о переходном характере говоров [4, с.192].

Таким образом, многовековое взаимодействие Могилёвской и Смоленской земель способствовало сближению языков и культур, что нашло отражение в исследуемых говорах, которые мы квалифицируем как переходные русско-белорусские (белорусско-русские).

В свете изложенного становится очевидной актуальность изучения Могилёвских говоров на всех языковых уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н.* Деление русского языка на диалектические группы // Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. – М., 1915.
2. *Карский Е.Ф.* Белорусы: Очерки словесности белорусского племени. – Петроград, 1921. – Т.3.
3. *Пеньковский А.Б.* К проблеме смешанных и переходных говоров // Уч. зап. Владимир, гос.пед.ин-та Владимир, 1969. – Вып.2.
4. *Прохорова С.М.* Восточнославянские синтаксические изоглоссы на территории Беларуси. – Белосток, 1995.
5. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. – М., 1982.
6. *Соболевский А.И.* О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности. – СПб., 1904.
7. *Сузанович В.Б.* Проблемы составления словаря могилёвско-смоленских пограничных говоров // Проблемы региональной лингвистики. – Ярославль, 1996.
8. *Хабургаев Г.А.* Становление русского языка. – М., 1980.
9. *Шахматов А.А.* К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. – СПб., 1899.